

ГОЛОВКО Л. В.,
*профессор кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора
МГУ им. М. В. Ломоносова,
д.ю.н.*

Актуальные проблемы обеспечения независимости судей в постсоветских странах¹

Построение подлинно независимой судебной власти продолжает оставаться одной из актуальных и неотложных задач, стоящих фактически перед всеми постсоветскими государствами. Надо признать, что пока еще эта задача не решена, хотя все институциональные, культурные и исторические условия для этого есть. В этом смысле нередко звучащие на постсоветском пространстве ссылки на якобы особый национальный менталитет, отражающий местную специфику и делающий невозможным обеспечение того уровня независимости судей, который имеет место, допустим, на Западе, представляются не только не соответствующими реальному положению дел, но и не заслуживающими серьезного внимания. Парадоксально, что «национальный менталитет» отнюдь не препятствует достаточно высокому уровню юридического образования и юридической науки, на который столь же часто и не без определенной гордости любят ссылаться представители тех же постсоветских стран, видимо, не отдающие себе отчет в противоречивости подобной аргументации. Здесь просто надо решить, какой из тезисов верен: либо постсоветское юридическое образование и постсоветская юридическая наука действительно находятся на очень приличном уровне, и тогда национальное правовое сознание и национальный менталитет не только не препятствуют, но напротив – настоятельно требуют независимой судебной власти, либо «менталитет» для независимой судебной власти на самом деле еще не созрел, но о каком «высоком уровне» юридического образования и науки можно тогда вести речь? Я лично абсолютно убежден в верности первого из этих тезисов и категорически отвергаю рассуждения о «менталитете» как неадекватные. Кроме того, для всех должно быть абсолютно ясно, что без независимой судебной власти невозможно создать надлежащие современные правовые институты, а следовательно – невозможно создать и эффективное современное государство с высоким уровнем устойчивости и развитой экономической инфраструктурой.

Если перейти к более технической плоскости, то в постсоветских государствах существует очень много проблем, требующих решения и препятствующих судебной власти приобрести необходимый уровень независимости. Я остановлюсь здесь только на двух из них, имея в виду: а) необходимость обеспечения индивидуальной независимости каждого судьи; б) необходимость обеспечения инстанционной процессуальной логики, позволяющей обеспечить исправление судебных ошибок и добиться оптимизации судебной практики без перманентного внепроцессуального давления на судей.

---

¹ Доклад подготовлен для Центра исследования правовой политики при поддержке Института Открытого Общества (Open Society Institute). Мнения и взгляды, содержащиеся в докладе, могут не совпадать с официальной позицией Институтом Открытого Общества.

I. Необходимость обеспечения индивидуальной независимости каждого судьи

Этот вопрос сам по себе является достаточно глобальным и связан со множеством разнообразных аспектов. Не имея возможности проанализировать каждый из них, обращу внимание на очень важный рекомендательный документ, получивший на постсоветском пространстве наименование Киевских рекомендаций², где детально проанализировано значительное число юридико-политических инструментов, в том числе сугубо технических, необходимых для обеспечения индивидуальной независимости судей в устойчивой правовой системе. Но на некоторых аспектах следует остановиться специально, поскольку они представляются крайне важными и не всегда правильно понимаемыми на постсоветском пространстве:

A) Роль высшей политической власти в процедуре отбора и назначения судей

В последнее время процедуре отбора и назначения судей уделяется в постсоветских государствах немалое внимание. Здесь достигнут значительный прогресс, связанный с появлением разнообразных вполне прозрачных и отвечающих современным стандартам процедур отбора наилучших кандидатов на должность судьи, а также специальных независимых органов, призванных данный отбор осуществлять. Создаются также специальные Школы подготовки судей, *mutatis mutandis* воспроизводящие опыт легендарной французской Высшей школы магистратуры в Бордо, пример чему мы видим, в частности, в Казахстане. Данная работа еще далека от завершения, но сам факт ее наличия отраден.

В то же время существует один «камень преткновения», который продолжает оставаться «зоной непонимания» между постсоветскими властями и представителями международных организаций, дающими этим властям рекомендации по вопросам обеспечения независимости судебной власти. Речь идет о роли высшей политической власти в процессе назначения судей на должность, поскольку в России, Казахстане и других странах судьи, как известно, назначаются Президентом страны или по представлению последнего верхней палатой Парламента. Сам по себе факт назначения судей высшей политической властью вполне вписывается в международные стандарты. Более того, именно такой механизм назначения судей является в наши дни наиболее универсальным и отказываться от него нет ни малейшего резона. Вопрос в другом: что он означает в юридическом смысле? Только одно - назначение судей Президентом (по его представлению) *не должно означать подбор судей Президентом или его администрацией*, то есть надо четко отделять друг от друга назначение судей и их подбор, причем одно вовсе не подразумевает другое. По сути, под «назначением» здесь понимается легитимация статуса судьи высшим органом государственной власти (своего рода церемониальная функция) и не более того. В противном случае под угрозу ставится принцип независимости судей. Именно это имеют в виду упомянутые Киевские рекомендации: «В случаях, когда непосредственное назначение судьи находится в полномочиях президента государства, пределы его усмотрения должны быть сведены к кандидатурам, предложенным соответствующим органом (советом судей, квалификационной или экспертной комиссией). Отказ назначить такого кандидата по процедурным основаниям должен быть мотивирован» (п. 23). Иначе говоря, реальное вмешательство главы государства в вопрос о подборе персоналий в судьи, когда он отказывается назначить рекомендованного судью, может иметь место только в *исключительных* случаях, причем по понятным и доведенным до сведения общества мотивам, связанным с соображениями общегосударственного порядка. Впрочем, здесь Киевские рекомендации отнюдь не оригинальны. Аналогичные по форме или по духу положения мы обнаружим в Рекомендации № R (94) 12 от 13 октября 1994 г. «О

² См.: Рекомендации Киевской конференции по вопросам независимости судебной власти в странах Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии, БДИПЧ ОБСЕ и Исследовательская группа «Минерва» по вопросам независимости судей Института Макса Планка, 23 – 25 июня 2010 г.

независимости, эффективности и роли судей», принятой Комитетом министров Совета Европы, Европейской хартии о статусе судей (1998), соответствующих документах ООН и др. Более того, в таком плане следует понимать и те пожелания, которые сделаны экспертами Венецианской комиссии по проектам казахстанских законов о судебной реформе.

Значит ли это ослабление контроля за кандидатами на должность судьи, которое может привести к непредвиденным последствиям, чего, видимо, и опасаются постсоветские власти? В том-то и дело, что нет. Но контроль должен осуществляться на **выходе** в систему отбора кандидатов, когда происходит их профессиональная и репутационная оценка в рамках прозрачных процедур прохождения конкурса, сдачи экзамена, зачисления на конкурсной основе в специальные Школы подготовки судей и т. д. Кто мешает «отсекать» на данном этапе всех недостойных кандидатов, в том числе путем сбора законными средствами сведений о личности, о происхождении доходов кандидатов, их расходов и т. д., и т. п. В такой ситуации на **выходе** из системы глава государства в лице своей администрация уже не должен заниматься «отбором» кандидатов и оценкой их «благонадежности» - ему остаются сугубо церемониальные функции легитимации предложенного кандидата путем его назначения на должность или представления соответствующей палате Парламента.

Но пока на постсоветском пространстве дело, увы, обстоит иначе. После прохождения всех конкурсных процедур и сдачи экзаменов рекомендованная к назначению на должность судьи кандидатура попадает «за кулисы» администрации Президента, где нередко и начинается работа по реальному «отбору», никакими законами не предусмотренная и не имеющая никакого отношения к «прозрачности». Такой подход не только не соответствует международным стандартам – он еще и свидетельствует о крайне неэффективной системе организации государственной власти, когда соответствующие механизмы не институционализированы должным образом, а существуют исключительно на уровне «президентского вмешательства», для чего требуется наращивать функции президентской администрации.

Б) Роль председателей судов

Еще одной проблемой, приводящей к недопустимой бюрократизации судейского корпуса и крайне негативно влияющей на независимость судей, является гипертрофированная роль в постсоветских судебных системах председателей судов. Существующее судеустройственное законодательство и особенно практика его применения рассматривают председателей судов не столько в духе классического принципа *primus inter pares* (первый среди равных), когда председатель наделяется некоторыми *специальными* полномочиями, в большинстве своем сугубо технического или даже церемониального характера, никоим образом *не ущемляющими* полномочия и статус остальных судей, сколько в качестве «начальника» (по отношению к судьям «своего» суда) и одновременно «подчиненного» (по отношению к вышестоящим судьям), встроенного в бюрократическую иерархическую систему. Иными словами, именно функции председателя суда в значительной мере превращают постсоветские судебные системы из систем процессуальных в системы бюрократические.

Однако иерархическая система построения власти, абсолютно необходимая, допустим, для органов управления, полиции и т. д., то есть для власти исполнительной, для судебной власти совершенно губительна. Судейский корпус должен быть построен на совершенно иных началах, не допускающих взаимоотношений по линии «начальник – подчиненный». В этом плане он значительно ближе к другим профессиональным корпусам, где также не может быть никаких «начальников» и «вертикали власти», скажем, к профессорскому корпусу или адвокатскому корпусу. Во всех этих случаях речь идет о тех профессиях, где требуется высокий уровень индивидуальной интеллектуальной независимости, без которой

соответствующая деятельность просто-напросто теряет смысл. Без понимания данной проблемы любые ожидания качественных судебных решений и постсоветских «прорывов» в судебной практике в духе американских правил Миранды или до сих пор определяющего критерии разграничения частного и публичного права французского решения XIX века по делу Бланко абсолютно тщетны и наивны.

Что касается технических вопросов, связанных с ролью председателей судов и их взаимоотношениями с остальными судьями, то основные вопросы исчерпывающе изложены все в тех же Киевских рекомендациях (пп. 11 – 16), в связи с чем мы избавлены здесь от необходимости здесь на них специально останавливаться.

В) Институциональные и внеинституциональные формы давления на судей

Для постсоветских стран характерны также разные формы давления на судей, которые осуществляются иногда под самыми благовидными предлогами, но в конечном итоге негативно сказываются на индивидуальной независимости каждого отдельно взятого судьи и судейского корпуса в целом. Так, например, борьба с коррупцией является, вне всяких сомнений, важнейшей и крайне актуальной задачей для большинства постсоветских стран. Ясно также, что если властям становятся известны подкрепленные надлежащими доказательствами, собранными в установленном законом порядке, факты коррупции в рядах судейского корпуса, то такие факты должны стать основанием для уголовного преследования, постановки вопроса перед соответствующим органом о даче разрешения на привлечение судьи к уголовной ответственности и проведении в отношении судьи справедливого судебного разбирательства. Но в реальной ситуации «борьба с коррупцией» в судейском корпусе нередко приводит на постсоветском пространстве к достаточно странным результатам: судьи «изгоняются» из судейского корпуса именно по коррупционным мотивам, однако полноценного уголовного преследования в их отношении не проводится. Об этом можно судить по имеющему место несовпадению между числом судей, отстраненных от должности из-за их едва ли не официально объявленной коррупциогенности, и количеством судей, в отношении которых на этом основании возбуждено уголовное дело. Чем объясняется такое несовпадение? Внешнему наблюдателю об этом судить сложно, но в теоретической плоскости есть только два варианта: либо виновные в совершении преступлений судьи незаконно (по крайней мере, по непонятным причинам) и негласно освобождаются от уголовной ответственности, либо совершение ими коррупционных преступлений является лишь предположением, не подкрепленным надлежащими доказательствами, достаточными для уголовного преследования. В последнем случае не совсем ясно, на каком основании судья тогда освобождается от должности?

На постсоветском пространстве встречаются также случаи создания или попыток создания разнообразных квазиинституциональных органов, призванных оценивать профессиональную деятельность судей или отдельные вынесенные ими решения вне установленных процессуальных рамок. Допустим, в России известны предложения сконструировать нечто вроде «общественной экспертизы» вынесенных судьями приговоров по так называемым «резонансным делам», которое звучало на уровне одного из консультативных советов при Президенте РФ, призванного укреплять в стране институты гражданского общества и права человека, хотя посягательство на независимость судей вряд ли совместимо с «гражданским обществом» и «правами человека». В Казахстане уже правящая политическая партия высказывала пожелания официально заняться профессиональной оценкой судей, что представляет собой очевидное намерение оказывать на них политическое давление и что также несовместимо с принципом независимости судебной власти. Все эти попытки пока еще, к счастью, не реализованы, но сам факт их наличия тревожен. Он показывает, что постсоветские элиты, нередко придерживающиеся прогрессивных взглядов по остальным вопросам развития своих стран, пока еще не воспринимают независимость судей в качестве абсолютной ценности, без которой не могут

развиваться ни дифференцированная современная экономика, ни устойчивый политический плюрализм, ни конструктивно настроенный «средний класс» общества.

Не в меньшей степени беспокоит другая проблема, также весьма типичная для постсоветских государств, когда позиция судьи по конкретному делу становится предметом дисциплинарных оценок. Это чаще всего характерно в тех ситуациях, когда судьи берут на себя мужество вынести оправдательный приговор или отказать в ходатайстве следствия (прокурора) в заключении под стражу. Конкретных примеров здесь немало. Приведу лишь один из них, когда в Казахстане судья, отказавшийся по конкретному делу заключать под стражу человека в связи с состоянием его здоровья и отсутствием опасности для общества, был на основании своего процессуального мнения по данному делу в конечном итоге лишен полномочий судья в связи с его якобы имевшей место «толерантностью» к опасным преступлениям, с которыми государство должно бороться на современном этапе. Впрочем, подобные случаи характерны отнюдь не только для Казахстана, но и для других постсоветских государств, в том числе для России. Не случайно, что составители Киевских рекомендаций вынуждены были особо подчеркнуть – «Ни при каких обстоятельствах не следует оценивать судей по содержанию их решений или вердиктов (как напрямую, так и через статистику по отмене их решений вышестоящей инстанцией)» (п. 28).

Здесь надо четко понять достаточно элементарную схему, характерную для любого мало-мальски развитого правового порядка:

а) если есть убедительные доказательства, что судья в ходе рассмотрения дела совершил преступление (допустим, взял взятку), то действия судьи должны стать основанием для уголовного преследования в установленном уголовно-процессуальным законом порядке;

б) если есть сведения, что судья при рассмотрении дела нарушил Кодекс судейской этики (или иным образом систематизированные этические правила деятельности судей), то его действия должны (могут) стать предметом дисциплинарного производства с целью рассмотрения вопроса о гипотетическом применении дисциплинарных санкций;

в) если кому-то не нравится правовая позиция судьи, высказанная в решении по конкретному делу, если она кажется непрофессиональной, ошибочной или даже курьезной, то любые претензии к судье такого рода могут обсуждаться лишь в процессуальном порядке, то есть в ходе рассмотрения вышестоящими судами решения судьи в рамках инстанционного движения дела. Любые иные способы преодоления судебных ошибок и гипотетического судейского непрофессионализма категорически недопустимы.

В такой ситуации адекватная процессуальная система, подчиненная строгой инстанционной логике, также становится важнейшим средством обеспечения независимости судей, поскольку позволяет исправлять судебные ошибки юридически корректными методами, не ставящими под сомнение индивидуальную независимость судьи. Иначе говоря, судебное решение, будучи плодом творческих индивидуальных усилий независимого судьи, не испытывающего «страха» при его вынесении, может стать объектом столь же творческого процессуального контроля со стороны вышестоящих инстанций, что и обеспечивает, с одной стороны, независимость судьи, а с другой стороны – процессуальную подконтрольность его решений.

И здесь необходимо констатировать, что инстанционная логика большинства постсоветских процессуальных систем далеко не идеальна, поскольку подверглась существенным историческим деформациям.

II. Необходимость обеспечения инстанционной процессуальной логики

Здесь следует вспомнить о классической инстанционной логике западноевропейского типа, уходящей корнями в наполеоновскую французскую кодификацию начала XIX века и непреложной для континентальной процессуальной системы до сих пор, которая существовала в Российской империи после Судебной реформы 1864 г., но была утрачена в советский период. Если не вдаваться в детали, то кардинальная деформация инстанционной системы началась с принятием Декретов СНК «О суде» от 24 ноября 1917 и ВЦИК «О суде» № 2 от 7 марта 1918, согласно которым «обжалование в апелляционном порядке отменяется и допускается только кассация решений».³

Это в свою очередь привело через несколько лет к неизбежному видоизменению кассации, превратившейся в квази-апелляцию, где обсуждаются не только правовые дефекты судебных решений, но и адекватность установления фактических обстоятельств дела (так называемая «обоснованность решений»), причем без необходимого в таких случаях судебно-следственного инструментария – исключительно по письменным материалам дела. Советская теория за долгие годы утратила к тому же понимание принципиальной разницы между двумя фундаментальными процессуальными понятиями: *окончательным судебным решением* и *вступившим в законную силу судебным решением*, что сказывается до сих пор в ходе постсоветских судебных реформ. Прочитав где-то в дореволюционных или иностранных источниках, что после апелляции решение становится «окончательным», постсоветские правоведы нередко отождествляют данную конструкцию с вступлением решения в законную силу.

Поэтому надо, видимо, напомнить несколько хрестоматийных тезисов, которые и позволяют говорить об искомой «классической» европейской модели. Стороны, в том числе в уголовном процессе, имеют право на «две инстанции» рассмотрения дела или, что одно и то же, на повторное рассмотрение их спора вышестоящим судом, то есть имеют *право на апелляцию*.

Сегодня это право гарантировано на международно-правовом уровне (достаточно упомянуть Протокол № 7 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), хотя на национальном уровне оно гарантировалось еще в XIX столетии, в том числе в пореформенной России, усвоившей классические континентальные институты. После рассмотрения дела в двух инстанциях (первой и апелляционной), одной из которых является суд достаточно высокого (апелляционного) уровня, приговор⁴ становится **окончательным** с точки зрения установления фактических обстоятельств дела.

Двух инстанций достаточно, чтобы более не спорить «наносил удар или не наносил», «проникал в помещение или не проникал», «имел намерение или не имел намерения» и т. Д. Более споры по фактическим обстоятельствам не допускаются. Именно поэтому судебное следствие и существует только в первой и апелляционной инстанциях. Но после того, как приговор стал окончательным с точки зрения установления фактических обстоятельств дела, он еще **не вступает в законную силу**, поскольку у сторон, есть право обратиться в высший судебный орган страны с претензиями на неправильное применение судами первой и апелляционной инстанции материально-правовых или процессуальных норм, превышение ими компетенции, незаконный состав вынесшего решение суда, то есть у них возникает *право на кассацию*. На реализацию данного права также отводится несколько суток (как правило, десять), после истечения которых либо приговор вступает наконец в

³ См.: ст. 4 Декрета о суде № 2 (Судебная власть в России. История. Документы. Том V. Советское государство / отв. ред. тома Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин. М. Мысль. 2003. С. 56).

⁴ Мы здесь для краткости будем говорить только о приговоре по уголовным делам, хотя все сказанное касается и итоговых (или подлежащих инстанционному обжалованию) решений в других видах судопроизводства.

законную силу, либо в высший судебный орган страны поступает кассационная жалоба, на которую необходимо дать мотивированный ответ.

Если «правовая проблема» мнимая, то жалоба отклоняется, как правило, без специального рассмотрения, но с развернутой мотивировкой. Если же поставленная в жалобе проблема серьезна, то высший судебный орган рассматривает ее по существу, не проводя никакого судебного следствия. В такой ситуации кассационное рассмотрение и представляет собой хорошо нам знакомый обмен правовыми аргументами, то есть краткую концентрированную дискуссию по важной проблеме толкования права. По итогам рассмотрения высший суд либо отклоняет жалобу, либо удовлетворяет ее. В последнем случае, не обладая знаниями о фактических обстоятельствах дела (он же не апелляцияционная инстанция), кассационный (высший) суд может лишь отменить решение, то есть «сломать» его (отсюда и термин «кассация» от французского глагола *casser*, то есть «разбивать», «ломать»), и направить дело на новое рассмотрение в суд первой или апелляцияционной инстанции, обладающий уже судебно-следственным инструментарием, необходимым для установления фактических обстоятельств дела.

С помощью данной классической системы решаются несколько серьезных проблем, которые на постсоветском пространстве исторически являются процессуальным «камнем преткновения». Укажем, как минимум, на две проблемы. *Во-первых*, в силу принципа *единства кассационной инстанции* кассационными полномочиями может быть наделен лишь один судебный орган, находящийся на вершине судебной пирамиды. Иными словами, кассационными полномочиями обладает лишь высший судебный орган страны. Во Франции он так и называется – Кассационный суд, хотя дело не в названии – российский Правительствующий Сенат был в свое время также единой кассационной инстанцией для всей Империи. Важно другое: с помощью института кассации высший суд не только исправляет судебные ошибки, но и обеспечивает *единство судебной практики*. Именно поэтому в Европе нет никаких «Постановлений Пленума». К слову, сама идея «постановлений пленума» имеет в той же Франции совсем иной смысл. Если коллегии (допустим, гражданская и уголовная) Кассационного суда начинают расходиться в толковании тех или иных норм, что рискует привести к противоречивым позициям единого Кассационного суда, то им необходимо собраться на совместное (пленарное) заседание и сообща рассмотреть соответствующую конкретную кассационную жалобу, чтобы выработать единую позицию, которая затем станет их общей позицией и ориентиром для судебной практики как по гражданским, так и по уголовным делам.

Во-вторых, при классической инстанционной системе значительно уменьшается роль почти легендарного для постсоветских государств протокола судебного заседания в первой инстанции, вокруг которого «сломано столько копий». При нормальной инстанционной системе апелляцияционному суду вовсе не нужен протокол, так как он вправе самостоятельно заслушать любого необходимого ему свидетеля или иного участника процесса. Отсюда право на апелляцию никак не обусловлено сроками изготовления протокола. Зачем? Пишите жалобу о необоснованности приговора, вызывайте свидетеля в апелляцияционный суд, задавайте ему вопросы непосредственно в апелляцияционном заседании и т. Д. Что касается кассационной инстанции, то, как уже отмечалось, ее вовсе не интересуют фактические обстоятельства дела. Ей-то протокол зачем? Вполне достаточно мотивированного судебного решения. Единственная ситуация, когда высший судебный орган страны может заинтересоваться протоколом судебного заседания – это ссылка в кассационной жалобе на существенные нарушения процессуального закона, допущенные в первой или апелляцияционной инстанциях. Но это достаточно частный случай. Даже если он иногда возникает, то при любых обстоятельствах при правильном построении апелляции и кассации роль пресловутого «протокола» уменьшается в разы.

Ясно также, что при классической трехинстанционной системе (первая инстанция – апелляция – кассация) не остается места легендарному советскому-постсоветскому надзору, который появился в свое время после исчезновения апелляции, «сползания»

кассации на уровень второй инстанции и образования «бреши» на месте старой дореволюционной кассации западноевропейского типа.

В этом смысле тревожит, что нынешние постсоветские реформаторы никак не могут уяснить инстанционную логику и пытаются соединить несоединимое, сконструировав четырехзвенную систему, где поверх первой инстанции «нагромождаются» и апелляция, и кассация, и надзор. Более того, они по-прежнему смешивают идею «окончательного решения» и его вступление в законную силу, в результате чего приговор при его инстанционном обжаловании вступает в законную силу не на уровне высшего суда страны, а на апелляционном уровне. Такую ошибку уже допустили российские реформаторы, приняв Закон о реформе судебных инстанций, который по гражданским делам вступает в силу с 1 января 2012 года, а по уголовным – с 1 января 2013 года. Теперь ее собираются повторить в Казахстане, судя по первым вариантам Концепции нового УПК РК.

Вопрос, конечно, не в наименовании. Если нет желания отказываться по историческим причинам от понятия «надзор», то в этом нет ничего страшного. Вершина инстанционной пирамиды может называться не «кассацией» (как во Франции или дореволюционной России), а «надзором». В Германии, например, также нет термина «кассация», вместо которого существует национальный терминологический вариант – «ревизия» - являющийся по сути той же кассацией.

Важно другое: инстанционная схема должна быть трехинстанционной (первая инстанция – апелляция – кассация или первая инстанция – апелляция – надзор) и создавать условия, при которых в случае обжалования по правовым основаниям высший суд страны получает возможность отменять решения, содержащие серьезные правовые ошибки, до их вступления в законную силу. Именно в этом, а не в абстрактных «инструкциях» для нижестоящих судов, проявляется фундаментальная роль высшего суда для национальной правовой системы, позволяющая ему сохранять единство судебной практики и следить за качеством судебных решений с помощью процессуальных методов, а не через внепроцессуальное давление на рядовых судей.

При этом кассационная (надзорная) инстанция должна быть *едина* для всей страны и сосредоточена на уровне Верховного суда, а приговор должен вступать в законную силу не после его рассмотрения в апелляционном порядке (в этот момент он становится окончательным лишь с точки зрения установления фактических обстоятельств дела), а после рассмотрения кассационной (надзорной) жалобы Верховным судом по существу или мотивированного отказа Верховного суда (в лице одного или нескольких судей) в ее рассмотрении в виду несущественности допущенной правовой ошибки для правовой системы страны.

Нормализация инстанционной логики и возвращение ее в классическое русло, где особую процессуальную роль выполняет Верховный суд, «кассирующий» процессуальным способом судебные решения, содержащие серьезные правовые ошибки, то есть «разбивающий» (уничтожающий) их, видятся важнейшим условием не только преодоления советских процессуальных деформаций, но и обеспечения индивидуальной независимости судей. Никаких других профессиональных оценок судебных решений быть не должно – для этого достаточно нормальной инстанционной процессуальной системы во главе с единой «кассационной» инстанцией – Верховным судом.

Ноябрь 2011 г.